

Dohnal, Josef

Антиох Дмитриевич Кантемир (1708–1744)

In: Dohnal, Josef. *Русская литература XVIII века. Избранные тексты I, Хрестоматия*. 1. vyd. Brno: Masarykova univerzita, 2013, pp. 31-72

ISBN 978-80-210-6495-9; ISBN 978-80-210-6498-0 (online : Mobipocket)

Stable URL (handle): <https://hdl.handle.net/11222.digilib/128726>

Access Date: 21. 03. 2025

Version: 20220831

Terms of use: Digital Library of the Faculty of Arts, Masaryk University provides access to digitized documents strictly for personal use, unless otherwise specified.

Антиох Дмитриевич Кантемир

(1708–1744)

Отец А. Д. Кантемира принадлежал к тем, кто понял философию Петра I, ищущего талантливых, знающих и деловых людей и опирающегося на них.

Читая сатиры Кантемира, следите за их языком – понятен он для современного читателя? Что именно представляет собой препятствие для того, чтобы полностью понимать все выражения, которыми Кантемир пользуется?

Вы сумеете определить хоть некоторые связи языка сатир с церковнославянским языком?

Сатиры А. Д. Кантемира, хотя и исходили из принципов реформ Петра I, считались слишком злободневными и не печатались при его жизни.

Прочитав приведенные тексты сатир, определите, которые слои русского общества могли считать Кантемира своим врагом. Которые идеи, выражаемые в сатирах, не совпадали с их традиционными взглядами на устройство общества и на права дворян, на позицию церкви в обществе?

«Письмо Харитона Макентина к приятелю о сложении стихов русских» является одним из первых произведений, которые изучают систему стихосложения.

Вы сможете определить, почему в своих сатирах и в своем теоретическом труде отдает Кантемир предпочтение поэзии? Какую роль играла именно поэзия в литературном творчестве в эпоху классицизма?

САТИРА I НА ХУЛЯЩИХ УЧЕНИЯ К УМУ СВОЕМУ

Уме недозрелый, плод недолгой науки!
Покойся, не понуждай к перу мои руки:
Не писав летящи дни века проводи
Можно, и славу достать, хоть творцом не слыти.
Ведут к ней нетрудные в наш век пути многи,
На которых смелые не запнутся ноги;
Всех неприятнее тот, что босы проклали
Девять сестр. Многи на нем силу потеряли,
Не дошед; нужно на нем потеть и томиться,
И в тех трудах всяк тебя как мору чужится,
Смеется, гнушается. Кто над столом гнется,
Пяля на книгу глаза, больших не добьется
Палат, ни расцветенна мраморами саду;
Овцу не прибавит он к отцовскому стаду.

Правда, в нашем молодом монархе надежда
Всходит музам немала; со стыдом невежда
Бежит его. Аполлин славы в нем защиту
Своей не слабу почул, чтяща свою свиту
Видел его самого, и во всем обильно
Тщится множить жителей парнасских он сильно.
Но та беда: многие в царе похваляют
За страх то, что в подданном дерзко осуждают.

«Расколы и ереси науки суть дети;
Больше врет, кому далось больше разумети;
Приходит в безбожие, кто над книгой тает, —
Критон с четками в руках ворчит и вздыхает,
И просит, свята душа, с горькими слезами
Смотреть, сколь семя наук вредно между нами:
Дети наши, что пред тем, тихи и покорны,

Праотческим шли следом к божией проворны
 Службе, с страхом слушая, что сами не знали,
 Теперь, к церкви соблазну, библию честь стали;
 Толкуют, всему хотят знать повод, причину,
 Мало веры подая священному чину;
 Потеряли добрый нрав, забыли пить квасу,
 Не прибьешь их палкою к соленому мясу;
 Уже свечек не кладут, постных дней не знают;
 Мирскую в церковных власть руках лишну чают,
 Шепча, что тем, что мирской жизни уж отстали,
 Поместья и вотчины весьма не пристали».

Силван другую вину наукам находит.
 «Учение, — говорит, — нам голод наводит;
 Живали мы преж сего, не зная латыне,
 Гораздо обильнее, чем мы живем ныне;
 Гораздо в невежестве больше хлеба жали;
 Переняв чужой язык, свой хлеб потеряли.
 Буде речь моя слаба, буде нет в ней чину,
 Ни связи, — должно ль о том тужить дворянину?
 Довод, порядок в словах — подлых то есть дело,
 Знатным полно подтверждать иль отрицать смело.
 С ума сошел, кто души силу и пределы
 Испытает; кто в поту томится дни целы,
 Чтоб строй мира и вещей выведать премену
 Иль причину, — глупо он лепит горох в стену.
 Прирастет ли мне с того день к жизни, иль в ящик
 Хотя грош? могу ль чрез то узнать, что приказчик,
 Что дворецкий крадет в год? как прибавить воду
 В мой пруд? как бочек число с винного заводу?
 Не умнее, кто глаза, полон беспокойства,
 Коптит, печась при огне, чтоб вызнать руд свойства,
 Ведь не теперь мы твердим, что буки, что веда —
 Можно знать различие злата, серебра, меди.
 Трав, болезней знание — голы все то враки;
 Глава ль болит — тому врач ищет в руке знаки;

Всему в нас виновна кровь, буде ему веру
 Дать хочешь. Слабеем ли — кровь тихо чрезмеру
 Течет; если спешно — жар в теле; ответ смело
 Дает, хотя внутрь никто видел живо тело.
 А пока в баснях таких время он проводит,
 Лучший сок из нашего мешка в его входит.
 К чему звезд течение числить, и ни к делу,
 Ни кстати за одним ночь пятном не слать целу,
 За любопытством одним лишиться покою,
 Ища, солнце ль движется, или мы с землею?
 В часовнике можно честь на всякий день года
 Число месяца и час солнечного восхода.
 Землю в четверти делить без Евклида смыслим,
 Сколько копеек в рубле — без алгебры счислим».

Силван одно знание слично людям хвалит:
 Что учит множить доход и расходы малит;
 Трудиться в том, с чего вдруг карман не толстеет,
 Гражданству вредным весьма безумством звать смеет.

Румяный, трожды рыгнув, Лука подпеваает:
 «Наука содружество людей разрушает;
 Люди мы к сообществу божия тварь стали,
 Не в нашу пользу одну смысла дар прияли.
 Что же пользы иному, когда я запруся
 В чулан, для мертвых друзей — живущих лишуся,
 Когда все содружество, вся моя ватага
 Будет чернило, перо, песок да бумага?
 В веселье, в пирах мы жизнь должны провождати:
 И так она недолга — на что коротати,
 Крушиться над книгою и повреждать очи?
 Не лучше ли с кубком дни прогулять и ночи?
 Вино — дар божественный, много в нем провору:
 Дружит людей, подает повод к разговору,
 Веселит, все тяжкие мысли отымает,
 Скучость знает облегчать, слабых ободряет,
 Жестоких смягчит сердца, угрюмость отводит,

Любовник легче вином в цель свою доходит.
Когда по небу сохой бразды водить станут,
А с поверхности земли звезды уж проглянут,
Когда будут течь к ключам своим быстры реки
И возвратятся назад минувшие веки,
Когда в пост чернец одну ешь станет вязигу, —
Тогда, оставя стакан, примуся за книгу».

Медор тужит, что чресчур бумаги исходит
На письмо, на печать книг, а ему приходит,
Что не в чем уж завертеть завитые кудри;
Не сменил на Сенеку он фунт доброй пудры;
Пред Егором двух денег Виргилий не стоит;
Рексу — не Цицерону похвала достоин.
Вот часть речей, что на всяк день звенят мне в уши;
Вот для чего я, уме, немее быть клуши
Советую. Когда нет пользы, ободряет
К трудам хвала, — без того сердце унывает.
Сколько ж больше вместо хвал да хулы терпети!
Трудней то, неж пьянице вина не имети,
Нежли не славить попу святую неделю,
Нежли купцу пиво пить не в три пуда хмелю.
Знаю, что можешь, уме, смело мне представить,
Что трудно злонравному добродетель славить,
Что щеголь, скупец, ханжа и таким подобны
Науку должны хулить, — да речи их злобны
Умным людям не устав, плюнуть на них можно;
Изряден, хвален твой суд; так бы то быть должно,
Да в наш век злобных слова умными владеют.
А к тому ж не только тех науки имеют
Недрузей, которых я, краткости радея,
Исчел иль, правду сказать, мог исчезеть смелея.
Полно ль того? Райских врат ключари святые,
И им же Фемис вески вверила златые,
Мало любят, чуть не все, истинну украсу.

Епископом хочешь быть — уберися в рясу,
 Сверх той тело с гордостью риза полосата
 Пусть прикроет; повесь цепь на шею от злата,
 Клобуком покрой главу, брюхо — бороною,
 Ключку пышно повели — везти пред тобою;
 В карете раздувшись, когда сердце с гневу
 Трещит, всех благословлять нудь праву и леву.
 Должен архипастырем всяк тя в сих познати
 Знаках, благоговейно отцом называти.
 Что в науке? что с нее пользы церкви будет?
 Иной, пища проповедь, выпись позабудет,
 От чего доходам вред; а в них церкви права
 Лучшие основаны, и вся церкви слава.

Хочешь ли судьёю стать — вздень перук с узлами,
 Брани того, кто просит с пустыми руками,
 Твердо сердце бедных пусть слезы презирает,
 Спи на стуле, когда дяк выписку читает.
 Если ж кто вспомнит тебе граждански уставы,
 Иль естественный закон, иль народны нравы —
 Плюнь ему в рожу, скажи, что врет околёсну,
 Налагая на судей ту тягость несносну,
 Что подьячим должно лезть на бумажны горы,
 А судьёе довольно знать крепить приговоры.

К нам не дошло время то, в коем председала
 Над всем мудрость и венцы одна разделяла,
 Будучи способ одна к высшему восходу.
 Златой век до нашего не дотянул роду;
 Гордость, леность, богатство — мудрость одолело,
 Науку невежество местом уж посело,
 Под митрой гордится то, в шитом платье ходит,
 Судит за красным сукном, смело полки водит.
 Наука ободрана, в лоскутах обшита,
 Изо всех почти домов с ругательством сбита;
 Знаться с нею не хотят, бегут ея дружбы,

Как, страдавши на море, корабельной службы.
 Все кричат: «Никакой плод не видим с науки,
 Ученых хоть голова полна — пусты руки».

Коли кто карты мешать, разных вин вкус знает,
 Танцует, на дудочке песни три играет,
 Смыслит искусно прибрать в своем платье цветы,
 Тому уж и в самые молодые леты
 Всякая высша степень — мзда уж невелика,
 Семи мудрецов себя достойным мнит лика.
 «Нет правды в людях, — кричит безмозглый церковник, —
 Еще не епископ я, а знаю часовник,
 Псалтырь и послания бегло честь умею,
 В Златоусте не запнусь, хоть не разумею».
 Воин ропщет, что своим полком не владеет,
 Когда уж имя свое подписать умеет.
 Писец тужит, за сукном что не сидит красным,
 Смысля дело набело списать письмом ясным.
 Обидно себе быть, мнит, в незнати старети,
 Кому в роде семь бояр случилось имети
 И две тысячи дворов за собой считает,
 Хотя в прочем ни читать, ни писать не знает.

Таковы слыша слова и примеры видя,
 Молчи, уме, не скучай, в незнати сидя.
 Бесстрашно того житье, хоть и тяжко мнится,
 Кто в тихом своем углу молчалив таится;
 Коли что дала ти знать мудрость всеблагая,
 Весели тайно себя, в себе рассуждая
 Пользу наук; не ищи, изъясняя тую,
 Вместо похвал, что ты ждешь, достать хулу злую.

http://az.lib.ru/k/kantemir_a_d/text_0020.shtml

САТИРА II НА ЗАВИСТЬ и ГОРДОСТЬ ДВОРЯН ЗЛОНРАВНЫХ ФИЛАРЕТ и ЕВГЕНИЙ

Филарет

Что так смутен, дружок мой? Щеки внутрь опали,
Бледен, и глаза красны, как бы ночь не спали?
Задумчив, как тот, что, чин патриарш достати
Ища, конный свой завод раздарил некстати?
Цугом ли запрещено ездить, иль богато
Платье носить, иль твоих слуг пеленать в злато?
Карт ли не стало в рядах, вина ль дорогого?
Матерь, знаю, и родня твоя вся здорова;
Обильство сыплет тебе дары полным рогом;
Ничто тебе не претит жить в покое многом.

Что ж молчишь? Ужли твои уста косны стали?
Не знаешь ли, сколь нам друг полезен в печали?
Сколь много здравый совет полезен бывает,
Когда тому следовать страсть не запрещает?

А, а! дознаюсь я сам, что тому причина:
Дамон на сих днях достал перемену чина,
Трифону лента дана, Туллий деревнями
Награжден — ты с пышными презрен именами.
Забыта крови твоей и слава и древность,
Предков к общества добру многотрудна ревность
И преимуществ твоих толпа неоспорных, —
А зависти в тебе нет, как в попах соборных.

Евгений

Часть ты прямо отгадал; хоть мне не завидно,
Чувствую, сколь знатым всем и стыд и обидно,
Что кто не все еще стер с грубых рук мозоли,
Кто недавно продавал в рядах мешок соли,
Кто глушил нас: «Сальные, — крича, — ясно свечи
Горят», кто с подовыми горшком истер плечи, —
Тот, на высоту степень вспрыгнувши, блистает,
А благородство мое во мне унывает
И не сильно принести мне никакой польги.

Знаты уж предки мои были в царство Ольги
И с тех времен по сих пор в углу не сидели —
Государства лучшими чинами владели.
Рассмотри гербовники, грамот виды раэны,
Книгу родословную, записки приказны:
С прадедова прадеда, чтоб начать поближе,
Думного, наместника никто не был ниже;
Искусны в миру, в войне рассудно и смело
Вершили ружьем, умом не одно те дело.
Взгляни на пространные стены нашей салы —
Увидишь, как рвали строй, как ломали валы.
В суде чисты руки их: помнит челобитчик
Милость их, и помнит злу остуду обидчик.
А батюшка уж всем верх; как его не стало,
Государства правое плечо с ним отпало.
Когда было выедет — всяк долой с дороги,
И, шапочку сняв, ему головою — в ноги.
Всегда за ним выборна таскалася свита,
Что ни день рано с утра крестова набита
Теми, которых теперь народ почитает
И от которых наш брат милость ожидает.
Сколько раз, не смея те приступить к нам сами,
Дворецкому кланялись с полными руками.
И когда батюшка к ним промолвит хоть слово —

Заторопев, онемев, слезы у иного
 Потекли с глаз с радости; иной, не спокоен,
 Всем наскучил, хвастая, что был он достоин
 С временщиком говорить, и весь веселился
 Дом его, как бы им клад богатый явился.
 Сам уж суди, как легко мне должно казаться,
 Столь славны предки имев, забытым остаться,
 Последним видеть себя, куды глаз ни вскину.

Филарет

Слышав я важну твоей печали причину,
 Позволь уж мне мою мысль открыть и советы;
 А ведай притом, что я лукавых приметы —
 Лесть, похлебство — не люблю, но сердце согласно
 С языком: что мыслит то, сей вымолвит ясно.

Благородство, будучи заслуг мзда, я знаю,
 Сколь важно, и много в нем пользы признаваю.
 Почесть та к добрым делам многих ободряет,
 Когда награду в себе вершенных являет.
 (Сыщешь в людях таковых, которым не дивны
 Куча золота, ни дом огромный, ни льстивный
 На пуху покой, ни жизнь, сколь бы ни прохладна, —
 К титлам, к славе до одной всяка душа жадна.)
 Но тщетно имя оно, ничего собою
 Не значит в том, кто себе своею рукою
 Не присвоит почесть ту, добыту трудами
 Предков своих. Грамота, плеснью и червями
 Изгрызена, знатных нас детьми есть свидетель —
 Благородными явит одна добродетель.

Презрев покой, снес ли ты сам труды военны?
 Разогнал ли пред собой враги уstraшенны?
 К безопасности общества расширил ли власти

Нашей рубеж? Суд судя, забыл ли ты страсти?
 Облегчил ли тяжкие подати народу?
 Приложил ли к царскому что ни есть доходу?
 Примером, словом твоим ободрены ль люди
 Хоть мало очистить злых нравов темны груди?
 Иль, буде случай, младость в то не допустила.
 Есть ли показаться в том впредь воля и сила?
 Знаешь ли чисты хранить и совесть и руки?
 Бедных жалки ли тебе слезы и доуки?
 Не завистлив, ласков, прав, не гневлив, беззлобен,
 Веришь ли, что всяк тебе человек подобен?
 Изрядно можешь сказать, что ты благороден,
 Можешь счесться Ектору или Ахиллу сроден;
 Иулий и Александр, и все мужи славны
 Могут быть предки твои, лишь бы тебе нравны.

Мало ж пользует тебя звать хоть сыном царским,
 Буде в нравах с гнусным ты не различишь псарским.
 Спросись хоть у Нейбуша, таковы ли дрожжи
 Любы, как пиво, ему, —отречется трожжи;
 Знает он, что с пива те славные остатки,
 Да плюет на то, когда не, как пиво, сладки.

Разнится — потомком быть предков благородных,
 Или благородным быть. Та же и в свободных
 И в холопах течет кровь, та же плоть, те ж кости.
 Буквы, к нашим именам приданные, злости
 Наши не могут прикрыть; а худые нравы
 Истребят вдруг древния в умных память славы,
 И, чужих обнажена красных перьев, галка
 Будет им, с стыдом своим, и смешна и жалка.

Знаю, что несправедно забыта бывает
 Дедов служба, когда внук в нравах успевае,
 Но бедно блудит наш ум, буде опираться
 Станем мы на них одних. Столбы сокрушатся

Под лишним те бременем, если сами в силу
 Нужную не приведем ту подпору хвилу.
 Светлой воды их труды ключ тебе открыли,
 И черпать вольно тебе, но нужно, чтоб были
 И чаши чисты твои, и нужно сгорбиться
 К ключу: сама вода в рот твой не станет литься.

Ты сам, праотцев твоих исчисляя славу,
 Признал, что пала она и делам и нраву:
 Иной в войнах претерпел нужду, страх и раны,
 Иным в море недруги и валы попераны,
 Иной правду весил тих, бегая обиды, —
 Всех были различные достоинства виды.
 Если б ты им подражал, право б мог роптати,
 Что за другими тебя и в пару не знати.

Потришь на оселку, друг, покажи в чем славу
 Крови собой — и твою жалобу быть праву.
 Пел петух, встала заря, лучи осветили
 Солнца верхи гор — тогда войско выводили
 На поле предки твои, а ты под парчою,
 Углублен мягко в пуху телом и душою,
 Грозно соплешь, пока дня пробегут две доли;
 Зевнул, растворил глаза, выпался до воли,
 Тянешься уж час-другой, нежишься, сжидая
 Пойло, что шлет Индия иль везут с Китая;
 Из постели к зеркалу одним прыгнешь скоком,
 Там уж в попечении и труде глубоком,
 Женских достойную плеч завеску на спину
 Вскинув, волос с волосом прибираешь к чину:
 Часть над лоским лбом торчать будут сановиты,
 По румяным часть щекам, в колечки завиты,
 Свободно станет играть, часть уйдет за темя
 В мешок. Дивится тому строению племя
 Тебе подобных; ты сам, новый Нарцисс, жадно
 Глотаешь очми себя. Нога жметя складно

В тесном башмаке твоя, пот с слуги валится,
 В две мозоли и тебе краса становится;
 Избит пол, и под башмак стерто много мелу.
 Деревню взденешь потом на себя ты целу.
 Не столько стало народ римлянов пристойно
 Основать, как выбрать цвет и парчу и стройно
 Сшить кафтан по правилам щегольства и моды:
 Пора, место и твои рассмотрены годы,
 Чтоб летам сходен был цвет, чтоб, тебе в образе,
 Нежну зелень в городе не досажал глазу,
 Чтоб бархат не отягчал в летню пору тело,
 Чтоб тафта не хвастала среди зимы смело,
 Но знал бы всяк свой предел, право и законы,
 Как искусные попы всякого дни звоны.

Долголетнего пути в краях чужестранных,
 Иждивений и трудов тяжких и пространных
 Дивный плод ты произнес. Ущербя пожитки,
 Понял, что фалды должны тверды быть, не жидки,
 В пол-аршина глубоки и ситой подшиты,
 Согнув кафтан, не были б станом все покрыты;
 Каков рукав должен быть, где клинья уставить,
 Где карман, и сколько грудь окружа прибавить;
 В лето или осенью, в зиму и весною
 Какую парчу подбить пристойно какою;
 Что приличнее нашить: серебро или золото,
 И Рексу лучше тебя знать уж трудновато.

В обед и на ужине частенько двоится
 Свеча в глазах, часто пол под тобой вертится,
 И обжирство тебе в рот куски управляет.
 Гнусных тогда полк друзей тебя окружает,
 И, глодая до костей самых, нрав веселый,
 Тщиву душу и в тебе хвалит разум спелый.
 Сладко щекотят тебе ухо красны речи,
 Вздутым поднят пузырем, чаешь, что под плечи

Не дойдет тебе людей все прочее племя.
 Оглянись, наместников царских чисто семья,
 Тот же полк, лишь с глаз твоих — тебе уж смеется,
 Скоро станет и в глаза: притворство минется,
 Как скоро сойдут твоих пожитков остатки.
 (Боюсь я уст, что в лицо точат слова сладки.)
 Ты сам неотступно то время ускоряешь:
 Из рук ты пестрых пучки бумаг не спускаешь
 И мечешь горстью твоих мозольми и по?том
 Предков скопленно добро. Деревня за ско?том
 Не первая уж пошла в бережную руку
 Того, кто мало пред сим кормился от стуку
 Молота по жаркому в кузнице железу.
 Приложился сильный жар к поно?сному резу,
 Часто любишь опирать щеки на грудь белу,
 В том проводишь прочий день и ночь почти целу.

Но те, что стенах твоей на пространной салы
 Видишь надписи, прочесть труд тебе немалый;
 Чужой глаз нужен тебе и помощь чужая
 Нужнее, чтоб знать назвать черту, что, копая,
 Воин пред собой ведет, укрываясь, к валу;
 Чтоб различить, где стены часть одна помалу
 Частым быстро-пагубных пуль ударом пала,
 Где, грозно расседшия, земля вдруг пожрала;
 К чему тут войска одна часть в четвербочник
 Строится; где более нужен уж спомочник
 Редким полкам и где уж отмененны силы
 Оплошного недруга надежду прельстили.
 Много вышних требует свойств чин воеводы
 И много разных искусств: и вход, и исходы,
 И место, годно к бою, видит одним взглядом;
 Лишней безопасности не опоен ядом,
 Остр, пронизает врагов тайные советы,
 Временно предупреждать удобен наветы;
 О обильности в своем таборе печется

Недремительно; любовь ему предпочтется
Войска, чем страшным им быть и вдруг ненавидим;
Отцом невинный народ зовет, не обидим
Его жадностью, — врагам одним лишь ужасен;
Тихим нравом и умом и храбростью красен;
Не спешит дело начать; начав, производит
Смело и скоро — не столь бегло Перун сходит,
Страшно гремя; в счастья умерен быть знает,
Терпелив в нужде, в бедстве тверд, не унывает.
Ты тех добродетелей, тех чуть имя знаний
Слыхал ли? Самых числу дивишься ты званий,
И в один все мозг вместить смертных столь мнишь трудно,
Сколь дворецкому не красть иль судье — жить скудно.

Как тебе вверить корабль? ты лодкой не правил,
И хотя в пруду твоём лишь берег оставил,
Тотчас к берегу спешешь: гладких испугался
Ты вод. Кто пространному морю первый вдался,
Медное сердце имел; смерть там обступает
Снизу, сверху и с боков; одна отделяет
От нея доска, толста пальца лишь в четыре, —
Твоя душа требует грань с нею пошире;
И писана смерть тебя дрожать заставляет,
Один холоп лишь твою храбрость искушает,
Что один он отвечать тебе не посмеет.
Нужно ж много и тому, кто рулем владеет,
Искусств и свойств, с самого укрепленных детства,
И столь нужней те ему, сколь в ящи суть бедства
На море, чем на земле. Твари господь чудну
Мудрость свою оказал, во всех неоскудну
Меру поставя частях мира и меж ними
Взаимно согласие; лучами своими
Светила небесные, железце, немногу
От дивного камня взяв силу, нам дорогу
Надежную в бездне вод показать удобны;
Небес положение на земле способный

Бывает нам проводник и, когда страх мучит
 Грубых пловцов, кормчего искусного учит
 Скрытый камень миновать иль берег опасный,
 И в пристань достичь, где час кончится ужасный.
 Недруга догнать, над ним занять ветр способный
 И победу исхитить, вступя в бой удобный, —
 Труд немалый. На море, как на земле, те же
 Прочи вождев должности: тебе еще реже
 Снилась трубка и компас, чем строй и осада.

За красным судить сукном Адамлевы чада
 Иль править достоин тот, кому совесть чиста,
 Сердце к сожалению склонно и речиста
 Кого деньга одолеть, ни страх, ни надежда
 Не сильны; пред кем всегда мудрец и невежда,
 Богач и нищий с сумой, гнусна бабья рожа
 И красного цвет лица, пахарь и вельможа
 Равны в суде, и одна правда превосходна;
 Кого не могут прельстить в хитростях всеплодна
 Ябеда и ее друг — дьяк или подьячий;
 Чтоб, чрез руки их прошед, слепым не стал зрячий,
 Стречись должен, и сам знать и лист и страницу,
 Что от нападения сильного вдовицу
 Соперника может спасти и сирот покойну
 Уставить жизнь, предписав плутам казнь достойну.
 Наизусть он знает все естественны пра?ва,
 Из нашего высосал весь он сок устава,
 Мудры не спускает с рук указы Петровы,
 Коими стали мы вдруг народ уже новый,
 Не меньше стройный других, не меньше обильный,
 Завидим врагу и в нем злобу унять сильный.
 Можешь ли что обещать народу подобно?
 Бедных слезы пред тобой льются, пока злобно
 Ты смеешься нищете; каменный душою,
 Бьешь холопа до крови, что махнул рукою
 Вместо правой — левою (зверям лишь прилична

Жадность крови; плоть в слуге твоей однолична).
Мало, правда, ты копишь денег, но к ним жаден:
Мот почти всегда живет сребролюбьем смраден,
И все законно он мнит, что уж истощенной
Может дополнить мешок; нужды совершенной
Стала ему золота куча, без которой
Прохладам должен своим видеть конец скорой.
Арапского языка — права и законы
Мнутся тебе, дикие русску уху звоны.

Если в те чины негож, скажешь мне, я, чаю,
Не хуже Клита носить ключ золотой знаю;
Какие свойства его, какая заслуга
Лучшим могли показать из нашего круга?
Клита в постели застать не может день новой,
Неотступен сохнет он, зевая в крестовой,
Спины своей не жалел, кланяясь и мухам,
Коим доступ дозволен к временщичьим ухам.
Клит осторожен — свои слова точно мерит,
Льстит всякому, никому почти он не верит,
С холопом новых людей дружбу весть не рдится,
Истинная мысль его прилежно таится
В делах его. О трудах своих он не тужит,
Идучи упрямо в цель: Клиту счастье служит, —
Иных свойств не требует, кому счастье дружно;
А у Клита без того нечто занять нужно
Тому, кто в царском прожить доме жизнь уставил,
Чтоб крылья, к солнцу подшед, мягки не расплавил:
Короткий язык, лицо и радость удобно
И печаль изображать — как больше способно
К пользе себе, по других лицу применяясь;
Честнее будет он друг, всем дружен являясь;
И много смирение, и рассудность многу
Советую при дворе. Лучшую дорогу
Избрал, кто правду всегда говорить принялся,
Но и кто правду молчит — виновен не стался,

Буде ложью утаить правду не посмеет;
 Счастлив, кто средины той держаться умеет.
 Ум светлый нужен к тому, разговор приятный,
 Учтивость приличная, что дает род знатный;
 Ползать не советую, хоть спеси гнушаюсь; —
 Всего того я в тебе искать опасуюсь.

Словом, много о вещах тщетных беспокойство,
 Ни одно не вижу я в тебе хвально свойство.
 Исправь себя, и тогда жди, дружок, награду;
 По тех пор забытым быть не считай в досаду:
 Пороки, кои теперь прикрывают тени
 Стен твоих, укрыть нельзя на высшей степе?ни.
 Чист быть должен, кто туды не побледнев всходит,
 Куды зоркие глаза весь народ наводит.

Но поставим, что твои заслуги и нравы
 Достойным являют тя лучшей мзды и славы;
 Те, кои оной тебя неправо лишают,
 Жалки, что пользу свою в тебе презирают;
 А ты не должен судить, судят ли те здраво,
 Или сам многим себя предпочтешь неправо.

Над всем же тому, кто род с древнего начала
 Ведет, зависть, как свинье — узда, не пристала;
 Еще б можно извинить, если знатный тужит,
 Видя, что счастье во всем слепо тому служит,
 Кого сколько темен род, столь нравы развратны.
 Ни отечеству добры, ни в людях приятны;
 Но когда противное видит в человеке,
 Веселиться должен уж, что есть в его веке
 Муж таков, кой добрыми род свой возвышает
 Делами и полезен всем быть начинает.
 Что ж в Дамоде, в Трифоне и Туллие гнусно?
 Что, как награждают их, тебе насмерть грустно?

Благонравны те, умны, верность их немала,
Слава наша с трудов их нечто восприяла.

Правда, в царство Ольгино предков их не знали,
Думяым и наместником деда не бывали,
И дворянства старостью считаться с тобою
Им нельзя; да что с того? Они ведь собою
Начинают знатный род, как твой род начали
Твои предки, когда Русь греки крестить стали.
И твой род не все таков был, как потом стался,
Но первый с предков твоих, что дворянин звался,
Имел отца, славою гораздо поуже,
Каков Трифон, Туллий был, или и похуже.

Адам дворян не родил, но одно с двух чадо
Его сад копал, другой пас блеюще стадо;
Ное в ковчеге с собой спас все себе равных
Простых земледетелей, нравами лишь славных;
От них мы все сплошь пошли, один поране
Оставя дудку, соху, другой — попозднее.

http://az.lib.ru/k/kantemir_a_d/text_0020.shtml

САТИРА VII О ВОСПИТАНИИ К КНЯЗЮ НИКИТЕ ЮРЬЕВИЧУ ТРУБЕЦКОМУ

Если б я, видя кого, что с рук не спускает
Часовник и пятью в день в церковь побывает,
Постится, свечи кладет и не спит с женою,
Хоть отняв у бедного ту, что за душою
Одну рубашку имел, нагим ходить нудит, —
Если б я, видя, сказал: «Дружок, ум твой блудит;
Тем путем не войдешь в рай, и буде радеешь
Душу спасти, отдай назад, чем худо владеешь».
Спылав, ревность наградит мою сим ответом:
«Напрасно, молокосос, суешься с советом».

И дело он говорит: еще я тридцатый
Не видел возврат зимы, еще черноватый
Ни один на голове волос не седеет;
Мне ли в таком возрасте поправлять довлеет
Седых, пожилых людей, кои чтут с очками
И чуть три зуба сберечь могли за губами;
Кои помнят мор в Москве и, как сего года,
Дела Чигиринского сказуют похода?

Напрасно охрип бы я, доводя доводом,
Что ум в людях не растет месяцем и годом;
Что хотя искус дает разуму подпору,
И искус можно достать лише в поздню пору,
Однак как время того, кто не примечает
Причины дел, учинить искусным не знает,
Так прилежность сильна дать искус в малы лета.
Презренны слова мои будут без ответа,
И свет, почти весь упрям, всегда верить станет,
Что старик трех молодых разумом потянет.

Не одно то мнение здравому разгласно
 Видим смыслу втвержено; встречаем чточасно
 Подобны и злейшие. Одни тех держаться
 Любят, что полезны им и законны зряся, —
 Обман те свой чувствовать грубый не умеют;
 Другие, и зная вред, бороться не смеют
 С упрямою волею, котора их нудит
 Предызбрать то, что им смысл здравый вредно судит.

Бude причину того спросишь у народа,
 Скажет, что с зачатия нашего природа
 Слабу душу нам дала, и к обману склонну,
 И подчиненну страстям; и что ту законну
 Над нами природы власть одолеть не можно.

Испытал ли истину он в том осторожно?
 Не знаю, Никито, друг! то одно я знаю,
 Что если я добрую, ленив, запускаю
 Землю свою — обрстет худою травою;
 Если прилежно вспашу, довольно покрою
 Навозом песчаную — жирнее уж станет,
 И довольный плод с нея трудок мой достанет.

Каково б с природы рук сердце нам ни пало,
 Есть, есть время некое, в коем злу немало
 Склонность уйдем, бude всю истребить не можем,
 И утвердиться в добре доброму поможем, —
 Время то суть первые младенчества лета.
 Чутко ухо, зорок глаз новый житель света
 Пялит; всяка вещь ему приметна, все ново
 Будучи, все с жадностью сердце в нем готово
 Принять: что туды вскользнет, скоро вкоренится,
 Бude руки приложить повадка потщится;
 На веревке силою повадки танцуем.
 Большу часть всего того, что в нас приписуем
 Природе, если хотим исследовать зрело,

Найдем воспитания одного быть дело.
 И знал то высшим умом монарх одаренный,
 Петр, отец наш, никаким трудом утомленный,
 Когда труды его нам в пользу были нужны.
 Училища основал, где промысл услужный
 В пути добродетелей имел бы наставить
 Младенцев; осмелился и престол оставить
 И покой; сам странствовал, чтоб подать собою
 Пример в чужих брать краях то, что над Московю
 Сыскать нельзя: сличные человеку нравы
 И искусства. Был тот труд корень нашей славы:
 Мужи вышли, годные к мирным и военным
 Дела, внукам памятны нашим отдаленным.
 Но скоро полезные презренны бывают
 Дела, кои лакомым чувствам не ласкают.
 Кучу к куче накоплять, дом построить пышной,
 Развесть сад, завесть завод, расчистить лес лишной,
 Детям уж богатое оставить наследство
 Печемся, потеем в том; каково их детство
 Проходит — редко на ум двум или трем всходит;
 И у кого не одна в безделках исходит
 Тысяча — малейшего расхода жалеет
 К наставлению детей; когда же шалее
 Сын, в возраст пришед, отец тужит и стыдится.
 Напрасно вину свалить с плеч своих он тщится:
 Богатства сыну копил — презрел в сердце нравы
 Добры всадить. Богат сын будет, но без славы
 Проживет, мало любим и свету презренный,
 Бude в петлю не вбежит плут уж совершенный.

Главно воспитания в том состоит дело,
 Чтоб сердце, страсти изгнав, младенчее зрело
 В добрых нравах утвердить, чтоб чрез то полезен
 Сын твой был отечеству, меж людьми любезен
 И всегда желателен, — к тому все науки
 Концу и искусства все должны подать руки.

Суд трудный мудро решить, исчислить приходы
Пространна царства и им соравнить расходы
Одним почти почерком; в безднах вод надежный
Предызбирать всегда путь; любитель прилежный
Небес числить всякого удобно светила
Путь и беглость и того, сколь велика сила
Над другим; в твари всему знать исту причину —
Мудрым зваться даст тебе и, может быть, к чину
Высшему отворит вход; народ будет целый
Искусным вождем ты звать, зря царства пределы,
Тобою расширенны, и вражии рати
И города, стерты в прах. Но буде уняти
Не знаешь ярость твою, буде неприятен
К тебе доступ и тебе плач бедных невнятен,
Ежели волю твою не правит смысл правый,
Ежли развратны, одним словом, твои нравы —
Дивиться станет тебе, но любить не станет;
Хвалы нужда из его уст твои потянет,
Пользу свою лишь в тебе искать он потщится,
Гнушаясь тебя, и той готов отшетиться,
Только б тебя свалить с плеч. Слава увядает
Твоя в мал час; позабыт человек бывает
Скоро ненавидимый, и мало жалеет
Кто об нем, когда ему черный день наспеет.
Добродетель лишь одна может нам доставить
Покойну совесть, предел прихотям уставить,
Повадить тихо смотреть счастья грудь и спину
И неизбежную ждать бесстрашно кончину.
Добродетель потому над всем неотменно
Нужно младенцам внушать, пока совершенно
Вкоренится; притом ум изощрять в пристойных
Им и других знаниях. Так в детях, достойных
К всем чинам, отечеству дашь дар многоценный.
Если б предписан был с двух выбор неотменный,
С чистою совестью ум избрал бы я простой,
И оставил бы я с злым сердцем разум острый.

Вверил бы я все добро тому, кто с чужого
 Стыдится жиреть добра, хотя он немного
 Счету знает и рубить числа должен в палку;
 А грош не дал бы беречь другому, что в свалку
 Ллокает одну свернув дом, и лес, и пашни,
 Хоть числит он лучше всей Сухаревской башни.

Бесперечь детям твердя строгие уставы,
 Наскучишь; истребишь в них всяку любовь славы,
 Если часто пред людьми обличать их станешь;
 Дай им время и играть; сам себя обманешь,
 Буде чаешь поспешить, лишно спеша дело;
 Наедине исправлять можешь ты их смело.
 Ласковость больше в один час детей исправит,
 Чем суровость в целый год; кто часто заставит
 Дрожать сына пред собой, хвальну в нем загладит
 Смелость и невременно торопеть повадит.
 Счастлив, кто надеждою похвал взбудить знает
 Младенца; много к тому пример способен:
 Относят к сердцу глаза весть уха скоряе.

Пример наставления всякого сильняе:
 Он и скотов следовать родителям учит.
 Орлий птенец быстр летит, щенок гончий мучит
 Куриц в дворе, лоб со лбом козлята сшибают,
 Утята, лишь из яйца выдут, плавать знают.
 Не смысл учит, не совет — того не имеют,
 Сего нельзя им подать — подражать умеют.
 С двух братьев, кои росли под теми ж глазами
 И коих тот же крушил учитель лозами,
 Один добродетелей хвальную дорогу
 Топчет; ни надежда свесть с нее, ни страх ногу
 Его не могли; в своей должности он верен
 И прилежен, ласков, тих и в словах умерен,
 В бедности смотреть кого сухими глазами
 Не может, сердцем дает, что дает руками.

Другой гордостью надут, яростен, бесщаден,
 Готов и отца предать, к большим мешкам жаден,
 Казну крадет царскую, и, тем сломя шею,
 Весь уж сед, в петлю бежит, в казнь, должну злодею.
 В том, по счастью, добрые примеры скрепили
 Совет; в сем примеры злы оный истребили.

Если б я сыновнюю имел унять скупость,
 Описав злонравия, и гнусность, и глупость,
 Смотри, сказал бы ему, сколь Игнатий беден
 Над кучей золота, сух, печален и бледен,
 Бесперечь мучит себя. Мнишь ли ты счастливу
 Жизнь в обильстве такову? Если б чресчур тщиву
 Руку его усмотрел, пальцем указал бы
 Тюрьму, где сидит Клеарх, и всю рассказал бы
 Потом жизнь Клеархову, чрез меру прохладну.
 Если б к подлой похоти видел склонность жадну,
 Привел бы его смотреть Мелита в постели
 И гнусны чирьи, что весь нос ему объели.

Кормилицу, дядьку, слуг, беседу, сколь можно
 Лучшую, бы сыну я избрал осторожно.
 Не одни те растят нас, коим наше детство
 Вверено; со всех сторон находит посредство
 Поскользнуться в сердце нрав: все, что окружает
 Младенца, произвести в нем нрав помогает.
 Так, не довольно одно изрядное семя
 Дать изрядный цвет иль плод: нужно к тому время
 Умеренно и красно, без мразу, без зною,
 Без вихрев; нужна земля жирна, и водою
 Нужно в пору поливать, и тихо и в меру;
 Семя без всего того прельстит твою веру.
 Филин вырос пьяница? — пьяница был сродник,
 Что вскормил. Миртил блядун? — дядька его сводник.
 У Савки век на губах правда не садится,
 И врет, что на ум взойдет, что в ночь не приснится? —

Лгуни бабушки его помним бесконечны
 Басни, койми надоел язык скоротечный.
 Сильвия круглую грудь редко покрывает,
 Смешком сладким всякому льстит, очком мигает,
 Белится, румянится, мушек с двадцать носит;
 Сильвия легко дает, что кто ни попросит,
 Бояся досадного в отказе ответа? —
 Такова и матушка была в ея лета.
 Обычно цвет чистоты первый увядает
 Отрока в объятиях рабыни; и знает,
 Унесши младенец что, небом и землею
 Отлыгаться пред отцом, — наставлен слугою.
 Слуги язва суть детей. Родителей — злее
 Всех пример. Часто дети были бы честнее,
 Если б и мать и отец пред младенцем знали
 Собой владеть и язык свой в узде держали.
 Правдой и неправдою куча мне копится
 Денег, и нужусь всю жизнь в высококу добиться
 Степень; полвека во сне, в пирах провождаю;
 В сластях всяких по уши себя погружаю;
 Одних счастливыми я зову лишь обильных,
 И сотью то в час твержу; завидую сильных
 Своевольству я людей, и дружбу их тщуся
 Всячески достать себе, убогим смеюся, —
 А, однако ж, требую, чтоб сын мой доволен
 Был малым, чтоб смирен был и собою волен
 Знал обуздать похоти, и с одними знался
 Благонравными, и тем подражать лишь тщался;
 По воде тогда мои вотще пижут вилы.
 Домашний показанный часто пример силы
 Будет важной, и идти станет сын тропую,
 Котору протоптану видит пред собою.

И с каким лицом журить сына ты посмеешь,
 Когда своим наставлять его не умеешь

Примером? когда в тебе видит повсечасно,
 Что винишь, и ищет он, что хвалишь, напрасно?
 Если молодому мать раку обличает
 Кривой ход: «Прямо сама пойдя, — отвечает, —
 Я за тобой поплыву и подражать стану».

Нельзя ль добрым быть? — будь зол, своим не к изъяну;
 Изряднее всякого убежать порока
 Нельзя ль? — укрой лишнего от младенца ока.
 Гостя когда ждешь к себе, один очищает
 Слуга твой двор и крыльцо, другой подметает
 И убирает весь дом, третий трет посуду,
 Ты сам над всем настоишь, обежишь повсюду,
 Кричишь, беспокоишься, боясь, чтоб не встретил
 Глаз гостей малейший сор, чтоб он не приметил
 Малейшу нечистоту, — а ты же не тщишься
 Побережь младенцев глаз, ему не стыдишься
 Открыть твою срамоту. Гостя ближе дети,
 Бóльшу бéрежь ты для них должен бы имети.

Не один острый судья, знаю, зубы скалить,
 Злобно улыбаяся, станет и бровь пялить,
 И, качая головой, примолвит поважно:
 «Смотри, наш молокосос какие отважно
 Сказки нам рассказывает и, времени цену
 Не зная, скучает нам, лепя горох в стену.
 Незнамо с чего зачав, нравов уж толкует
 Вину, воспитанию склонность приписует
 Нашу, уча, как растить детей; одним словом,
 Продерзость та родилась в мозгу нездоровом».
 Никито, друг! может быть, слово то рассудно
 Явится тем, кои, жизнь чая время скудно,
 Лучше любят осудить вдруг, что их несходно
 Мысли, нежели выслушать доводы свободно.
 Тех я людей уверять не ищу, негоден,
 Да всяк открывать свое мнение свободен,

Если вредно никому и законов сила
Чтительна нужду молчать в том ее наложила.
Пусть не чтет, кто мои мнит мнения неправы;
С досугу стишки пишу для твоей забавы.
Ты лишь меня извини, что, одно я дело
Начав, речью отскочил на другое смело.
Порядок скучен везде и немножко труден:
Блится в сумятице умок — в чину скуден,
И если б нам требовать, чтоб дело за делом
Рассуждать и, не скончав одно, в незрелом
Разговоре не ввернуть некстати другое,
В целой толпе говорить чуть станут ли двое...

ПИСЬМО ХАРИТОНА МАКЕНТИНА К ПРИЯТЕЛЮ О СЛОЖЕНИИ СТИХОВ РУССКИХ

Государь мой!

Я не знаю, для какой причины отправленные вами книги в прошлом годе только на сей неделе ко мне дошли; но вы из того изволите узнать, для чего я медлил удовольствовать желание ваше в том, что касается до книжицы под титлом «Нового и краткого способа к составлению стихов русских».

Приложенный от остроумного ея сочинителя труд столь больше хвален, что в самом деле народ наш до сих пор лишается некаким образом предводителя в стихотворном течении, многие часто с прямой дороги сбивались. Наипаче же хвален, что с необыкновенною стихотворцам умеренностию представляет опыт свой к испытанию и исправлению тех, кои из нас имеют какое-либо искусство в стихотворстве.

Тем данным от него позволением пользуясь, больше же еще ревности его споспешествуя, отважился я некакие примечанийцы составить, которые к тому ж концу, *то есть к установлению правил стихосложения русского*, служить могут и притом меня окажут послушным к приказам вашим.

Глава 1 О РОДАХ СТИХОВ

Стихи степенные

- § 1. Я стихи русские разделяю на *три рода*. *Первого* составлены, наподобие греческих и латинских, стопами без рифм, каков есть следующий:
Христе любви пламень един еси вышнего сыне.
- § 2. Правда, что тот род стихов никто из наших стихотворцев не употреблял; но, однако ж, я не вижу, для чего б они не могли иметь места в русском стихотворстве. Различие русского языка с греческим в составе грамматическом не столь велико, чтоб то было довольным поводом смеяться Максимовской количественной просодии.

- § 3. Я к ней отсылаю тех, кои любопытны отведасть свои силы в том роде стихов, и не советую презирать вещь какую для того только, что до сих пор не было в употреблении. Может быть, что по употреблении найдется приятна.

С т и х и с в о б о д н ы е

- § 4. *Второго рода* стихи состоят из некоего определенного числа слогов, хранящих некую определенную же меру в ударении голоса, и которые я бы назвал, итальянцам последуя, *свободными*, каковы суть следующие:

Долго думай, что о ком и кому имеешь
Сказать. Любопытного беги: говорлив он;
Бесперечь отверстые уши не умеют
Вверенное сохранять; а слово, однажды
Выпущенное из уст, летит невозвратно.

- § 5. Как я не чаю, что стихотворство русское *одно и то же с французским*, так и не могу согласиться, что *такие, без рифм, стихи некрасивы на русском языке* для того, что у французов не в обыкновении. Язык французский 1) не имеет стихотворного наречия; те ж речи в стихах и в простосложном сочинении принужден он употреблять. К тому ж 2) непременно поставлять местоимение прежде имени, имя прежде слова, слово прежде наречия, и, наконец, управляемую словом речь в своем падеже, то есть не позволено на французском языке *преложение* частей слова, без которых двух помочей необходимо нужно украшать стих рифмою; а инако был бы он речь простосложная.

Наш язык, напротив, изрядно от славенского занимает отменные слова, чтоб отдалиться в стихотворстве от обыкновенного простого слога и укрепить тем стихи свои; также полную власть имеет в преложении, которое не только стих, но и простую речь украшает. Итальянцы, гишпанцы, англичане и, может быть, другие еще, коих язык мне незнаком, имея подобные нам способы, были много удачливы в *свободных стихах*. Для чего ж бы нам не предпочесть суд стольких народов?

Стихи однокончателъные

- § 6. *Третьего рода* стихи совсем предыдущим подобны, только что по меньшей мере всякие два должны кончатся рифмоу; каковы суть следующие:
 Ездок, что в чужой земле, ему неизвестной,
 Видит на пути своем лес вкруг себя тесной,
 Реки, болоты, горы и страшны стремнины
 И, оставя битый путь, ищет пути ины,
 Бедный, блудит, многие, где меньше он чаёт,
 Трудности и наконец погибель встречает;
 Так в течение житья, где предлежат многи
 Бедства и страх, гинет тот, конечно, кто ноги
 Сведет с пути, где свои расставила вехи
 Добродетель, сгладив все опасны помехи.
- § 7. О сих двух последних родах стихов у нас слово впредь будет; но прежде нежели к правилам оных приступим, чаю, не должно миновать некакие примечания о рифмах.

Глава II

О ВЫБОРЕ РИФМ

Определение рифмы

- § 8. *Рифма* изрядно определена подобным окончанием последних слогов двух речей, но, чаю, нужно к тому примечать, что многосложные речи русские иные имеют ударение голоса на последнем слоге, как *рука*, *звезда*, *толокно*, иные — на предпоследнем, как *сажа*, *сочевица*, *окошко*; иные на препредпоследнем, как *стенание*, *изряднее*, *любимица* (не упоминая о других, в которых ударение еще далее относится, как в слове *всяческая*, понеже к нашему делу не служат).

Рифма скольких видов

- § 9. Потому рифмы могут быть *односложны*, *двухсложны* и *трехсложны*. Первые называются *тупыми*, вторые — *простыми*, третьи — *скользкими*.

Правила рифм тупых

- § 10. *Тупые*, кончающиеся на гласные, должны иметь по меньшей мере одну букву пред тем гласным подобну, а что больше, то лучше; так *сноха* и *веха* лучшую рифму составляют, чем *крупна* и *сова*, и еще гораздо лучшую *тесло* и *весло*, *блоха* и *соха*.
- § 11. Когда же кончатся на согласное — не только предыдущее тому гласное, но и последующее припряжно-гласное должны быть подобны неотменно, как в сих речах: *поклон*, *звон*, *труд*, *пруд* и проч., ибо *звонъ* и *вонь*, *ядъ* и *ядь*, за одним различием припряногласных *ъ*, *ь*, рифму не составляют.

Правила рифм простых

- § 12. *Простые* рифмы должны иметь два слога подобных, таким образом, чтоб по меньшей мере с гласного в предпоследнем слоге, на котором лежит ударение, все буквы до конца, не выключая припряногласные *ъ* и *ь*, были те же, как в сих речах:

Примета, ответа.	Рубашка, Ивашка.
Книга, вязига.	Играют, ступают.

- § 13. А еще лучше, ежели и предыдущие тому гласному одна или две буквы найдутся подобны, каковы суть в сих речах:

Обезьяна, изьяна.	Летаю, встречаю.
-------------------	------------------

Правила рифм скользких

- § 14. *Скользкие* рифмы требуют, чтоб с самого гласного в препредпоследнем слоге, на котором лежит ударение, все прочие буквы были подобны, не выключая припряногласные, как в следующих речах:

Летание, звание.	Сколзают, ползают.
------------------	--------------------

Глава III
О ВОЛЬНОСТЯХ РИФМ

§ 15. Хотя точное исполнение сих правил в составлении рифм мне необходимо кажется в сочинениях недолгих, каковы суть эпиграммы и прочие, которые не превосходят ста стихов, нужно, однако ж, от того увольняться; например:

1. Можно почитать подобными согласные *д* со *т*, *б* со *п*, *ж* со *ш*, *г* со *х*, когда за ними следует согласное, так, что нарочиту рифму составляют:

Водка, глотка.	Нужный, воздушный.
Утка, дудка.	Дроглый, иссохлый.
Удобный, стопный.	

2. Можно почитать подобными гласные *а*, *е*, *и* двух гласным *я*, *е*, *ы* в слоге предпоследнем так, что нарочиту рифму составляют:

Выти, вопити.	Скоротечный, вечный.
Сыто, влито.	Сияние, блистание.
Вялю, салю.	Унылые, хвилье.
Сияю, внимаю.	Хмельные, цельные.

3. Можно подобными почитать припряжногласное *ѣ* со *ь* между двумя согласными, так, что нарочиту рифму составляют:

Полный,	вольный.
---------	----------

Все те три вольности в рифмах *тупых* места не имеют; сносны в *простых*; в *скользящих* совсем извинительны за малым числом таких рифм.

4. Можно выкинуть согласное из среди двух гласных, так, что нарочиту рифму составляют:

Известный, тесный.	Сластный, красный.
--------------------	--------------------

5. Можно рифму составлять из той же речи в различном знаменании, как:

Лук — зелие;	Лук — орудие.
Царю — звательное имя царя;	Царю — царствую; и проч.

6. Можно прилагать букву *и* к неопредельным, чтоб учинить, например:

Писати	вместо	писать.
Пети	—	петь.
Пити	—	пить.

7. Можно отметить в прилагательных *й*, так, что рифму нарочиту составляют:

Пряны,	пьяный.
Волны,	полный.

8. *Простый* и *острый* иногда могут составлять рифму за многим подобием звона в произношении тех двух речей. Не знаю, найдутся ли другие две подобные.

§ 16. О всех тех вольностях нужно помнить, что сколь реже употребляются, столь лучше, и что весьма худо употреблять вдруг две вольности, как, например, в сей рифме:

Пряны,	званный.
--------	----------

где *я* поставляется подобно букве *а* и краткое *й* отмечается в речи *званный*.

§ 17. Наипаче советую оставлять подлым стихотворцам рифму неопредельных на *ати*, понеже она уху весьма неприятна, разве когда одна речь есть имя, а другое — слово; каковы, например: Мати, спати; тетрати, писати; и проч.

§ 18. Совсем не хвалю предложение силы с одного слога на другой, так, чтоб вместо *глава́* писать *гла́ва*, вместо *зако́н* писать *за́кон* и проч.

Глава IV
О МЕРЕ СТИХОВ

Сколько видов стихи

§ 19. Стихи русские могут составлены быть от тринадцати до четырех слогов.

Стоп рассуждение не нужно

§ 20. По моему мнению, рассуждение стоп в составлении всех оных излишно. Но нужно наблюдать, чтоб во всяком стихе на некоторых двух слогах лежало ударение голоса.

Что слог долгий и короткий?

§ 21. Такие слоги называю я *долгими*, а прочие все *короткими*. Например, в речи *изрядная*, слог *ря* есть долгий, *из*, *дна*, *я* — короткие.

Перенос позволен

§ 22. Я не вижу, для чего б *перенос* речи из первого стиха в другой, следующий, когда одним целое разумение речи кончить не можно, был запрещен. Греки, латины, итальянцы, испанцы, англичане не только в порок то не ставят, но и украшение стихам почитают. Перенос не мешает чувствовать ударение рифмы доброму чтецу, а весьма он нужен в сатирах, в комедиях, в трагедиях и в баснях, чтоб речь могла приближаться к простому разговору. К тому же без такого переносу долгое сочинение на рифмах становится уху докучно частым рифмы повторением, от которого напоследок происходит не знаю какая неприятная монотония, как то французы своим стихотворцам сами обличают.

Слитии не отменяются

§ 23. *Слитии* (разумея тем *й*) мне нимало вредными не кажутся. Напротиву, я чаю, что сколь больше их в каком стихе вмещено, столь он уху приятнее, понеже производят некую удобность в течении голоса, которую нежное ухо с наслаждением различает.

§ 24. Но частое повторение тех же согласных в одном и том же стихе, а еще больше усугубленных, как в сем поправленном:

Ум так слабый плод трудов краткия науки,
 весьма уху досаждает, и потому должно того убегать.

П р а в и л а т р и н а д ц а т и с л о ж н о г о с т и х а

§ 25. *Тринадцатисложный* стих, который изрядно *эроическим* назван, для того что всех способнее соответствует эксаметру греческому и латинскому, должен состоять из двух полустиший.

§ 26. Речь, которая кончает первое полустишие, должна быть связана с предыдущими, а не следующими в последнем, так, что все союзы, предлоги, местоимения возносительные не могут быть слогом пресечения. и сие правило есть общее сечениям и прочих стихов.

§ 27. Первое полустишие имеет семь слогов, второе — шесть.

Тот/	лишь/	в жи/	зни/	сей/	бла/	жен, //
1	2	3	4	5	6	7
	кто/	ма/	лым /	до/	во/	лен.
	1	2	3	4	5	6

§ 28. Слоги первого полустишия по четвертый могут быть долгие и короткие, как ни случатся; но неотменно нужно, чтоб или *седьмой* был долгий, или *пятый*. и в сем последнем случае — чтоб *шестой* и *седьмой* были короткие.

§ 29. Второго полустишия *предпоследний* слог всегда должен быть долгий; так, что ежели рифмами пишется, то была бы она неотменно двухсложная, ибо мне мнится, что тупые рифмы в таких стихах весьма уху несомны.

Пример:

Что/	поль/	зу/	ет/	мнѡ	жѣ/	ствѡ //	лю/	дей/	без/	рас/	сѣд/	нѡ
1	2	3	4	5	6	7	1	2	3	4	5	6

Привесть в удивление, когда в оном трудно.

Час/	о/	ни/	мо/	гут/	сто/	ягь //	и /	что/	те/	перь/	хвѡ/	лѣт,
1	2	3	4	5	6	7	1	2	3	4	5	6

Величают, спустя час низят уж и малят,
 Когда честный, мудрый муж, сколь часто случится
 Ему на нас вскинуть глаз, от дел наших рдится.

§ 30. Но буде кому угодно кончить сей стих тупую рифмою, то должен последнее полустишие таким образом учредить, чтоб *третий* и *шестой* слог были долгие, а *четвертый* и *пятый* — короткие неотменно.

Пример:

Что/	поль/	зу/	ет/	мнѣ	жѣ/	ствѣ //	без/	рас/	сѣд/	нѣ/	лю	дѣй.
1	2	3	4	5	6	7	1	2	3	4	5	6

Правила стиха двенадцатисложного

§ 31. *Двенадцатисложный* стих делится на два шестисложные сечения, которых последнее неотменно должно иметь *пятый* слог долгий, *шестой* — короткий. А первое может

- 1) или совсем быть подобно второму, или
- 2) иметь, и гораздо лучше, *шестой* долгий, или 3) *четвертый* долгий, а *пятый* и *шестой* неотменно короткие.

Пример:

Лег/	ко/	не/	воз/	дѣр/	жнѣй //	я/	зык/	в бе/	ду/	ввѣ	дйт.
1	2	3	4	5	6	1	2	3	4	5	6
Дой/	дет/	тот/	дѣ/	лѣ/	ѣ//	кто/	и/	дет/	не/	спѣш/	нѣ.
1	2	3	4	5	6	1	2	3	4	5	6
Не/	воз/	врат/	но/	бе/	жйт //	кры/	ла/	то/	е/	врѣ	мѣ
1	2	3	4	5	6	1	2	3	4	5	6

§ 32. Потому сей стих требует неотменно рифму простую.

Правила стиха одиннадцатисложного

§ 33. *Одиннадцатисложный* стих составляется также из двух полустиший, которых первое имеет пять слогов, второе — шесть.

Пример:

Мед/	ны/	я/	всхо/	дят //	в ру/	ках/	на/	ших/	сте/	ны.
1	2	3	4	5	1	2	3	4	5	6

§ 34. Второе полустишие следует правилу, предписанному о втором же полустишии эроического и двенадцатисложного стиха.

§ 35. Первое же, пятисложное, должно иметь ударение на *четвертом* слоге.

Пример:

Вла/	сте/	лин/	мї/	рă//	нуж/	ду/	тво/	ю/	знā/	ѣт,
1	2	3	4	5	1	2	3	4	5	6

Не лишит пищи, не лишит одежды
 Кто того волю, смирен, исполняет,
 Не отщетится в нем своей надежды.

§ 36. Собою явно, что и сей стих не терпит другой рифмы, кроме двухсложной.

§ 37. Ежели ж хочешь, чтоб кончался тупою, то первое полустишие учини шести слогов, а второе — пяти, и в первом *пятый* слог долгий, а во втором *второй* и *пятый* долгий, *третий* и *четвертый* короткий неотменно.

Пример:

В нем/	не/	от/	ще/	тї/	ся//	на/	деж/	дѣ	свѡ/	ѣй.
1	2	3	4	5	6	1	2	3	4	5

...

§ 63. Из всех вышепредставленных правил можно приметить:

- 1) Что долгие стихи (каковыми называю все от тринадцати- по девятисложный, оба включая) красивее кончаются простою рифмою, чем всякою другою.
- 2) Что в неких не неприятна рифма скользкая, но тогда слоги требуют особого расположения.
- 3) Что буде тупыми рифмами кончать их желаем, то неотменно нужно, чтоб пред тою рифмою находилися два слога коротких, которые бы тот падеж в ухе предуготовляли. и
- 4) что в тех стихах, которые имеют два полустишия неравных, нужно же, желая кончить рифмою простою, чтоб первое полустишие было долее второго. Например, в одиннадцатисложном стихе чтоб первое полустишие было шести-, второе — пятисложное. Буде кто спросит у меня всему тому причину, я иную показать не могу, разве что ухо мое мне те осторожности советует.

§ 64. Не худо же однажды за все изъяснить, что о которых слогах в тех правилах не показано, каковы быть имеют, долгие ли или короткие, то разумеется, что могут быть долгие и короткие, как ни удастся.

§ 65. Чтоб столь споре и одним взглядом усмотреть все меры различных стихов, о которых слово у нас было, прилагаю при сем следующую табель, в которой числа значат число слогов; — слог долгий; √слог короткий; двойною чертою отгородка — сечение стиха,

ТАБЛИЦА СТИХОВ РУССКИХ																
ВИДЫ СТИХОВ	МЕРА СТИХОВ															РИФМЫ, ИМ ПРИЛИЧНЫЕ
	1	2	3	4	5	6	7	1	2	3	4	5	6			
Тринадцатисложный	•	•	•	•	-	∪	∪	•	•	•	•	-	∪			простая
	•	•	•	•	•	•	-	•	•	•	•	-	∪			
	•	•	•	•	-	∪	∪	•	•	-	∪	∪	-			тупая
Двенадцатисложный	1	2	3	4	5	6	1	2	3	4	5	6			простая	
	•	•	•	•	-	∪	•	•								
	•	•	•			∪	•	•								
Одиннадцатисложный	1	2	3	4	5	1	2	3	4	5	6			простая		
	•	•	•	-	∪	•	•	•	•	-	∪	....				
	1	2	3	4	5	6	1	2	3	4	5			тупая		
Эндекасиллаб-катуллианский	•	•	•	•	-	∪	∪	•	-	∪	∪	-	....			
	1	2	3	4	5	6	1	2	3	4	5			простая		
Десятисложный двух равных сечений	•	•	•	-	∪	∪	•	•	•	-	∪			простая		
	•	•	•	•	-	∪	•	•	•	-	∪	...				
	•	•	•	•	-	•	•	•	-	∪						

...

Глава V О ВОЛЬНОСТЯХ в МЕРЕ СТИХОВ

Для чего вольности нужны?

§ 66. Кто не отведал еще стихи сочинять, почает, что нетрудное дело несколько слогов вместить в одну строку. и правда, кто чаёт, что стих в том одном состоит, –легко, на одной стоя ноге, много их намарать может, но не то же, когда дело идет составлять порядочные, по правилам, и уху и уму приятные стихи. Трудность тогда немалая встречается так в соглашении здравого смысла с рифмою, как и в учреждении слогов; для того стихотворцы принуждены иногда от правил удаляться, но таким образом, чтоб то отдаление было неважное и маловременное, а не конечное с ними разлучение, и то называется *вольностию*.

- § 67. Выше сего уже я представил те вольности, которые можно употреблять в выборе рифм; теперь слово будет о тех, которые в мере стиха простительны.
- § 68. Свойство языка нашего определило всем односложным речениям, каковы, например: *все, ты, друг, стол, лоб* и проч., ударение голоса. Следовательно (по § 21), все подобные речи суть долгие. Но в нужде изрядно могут почтены быть короткими, которую вольность самое ухо наше извиняет. Так, в сем стихе междоимение *мой* составляет слог короткий:
 ёсли мой глас тѣбѣ вняѣн.

Сокращение речи изрядная вольность

- § 69. Все сокращения речей, которые славенский язык узаконяет, можно по нужде смело принять в стихах русских, так, например, изрядно употребляется *век*, человек, *чист, сладок* вместо *веков, человеков, чистый, сладкий*. Всего же реже употреблять советую *мя, тя, ми, ти* вместо *меня, тебя, мне, тебе*.

Окончания славенские в прилагательных позволены

- § 70. Не с меньшею смелостию должно употреблять все окончания славенские в прилагательных вместо русских; так, изрядно стоит *сладкий* вместо *сладкой, изрядный* вместо *изрядной*. Но сия вольность больше рифмы, чем меры касается.

Некаких особливых наречий и союзов сокращение

- § 71. Вместо *буде, больше, ежели, или, коли*, между, *позади, хотя* и подобных можно писать *будь, большь, ежель* или *ежли, иль, коль, нежель* или *нежли, однак, меж, позадь, хоть*.

...

Отменение второго лица в глаголах на *шь*

вместо *ши* и неопредельных на *ть*

вместо *ти*

- § 78. Можно в глаголах второе лицо единственного числа кончить на *ши* вместо на *шь* и неопредельные на *ти* вместо на *ть*; например, *пишеши* вместо *пишешь, читати* вместо *читать*. Но я гораздо того бы убежать хотел, когда тою речью стих кончается, понеже такие рифмы весьма уху противны.

Отменение наречий на *ей* вместо *ее*

- § 79. Наречия, кончащиеся на *ее*, можно кончить *ей* и писать, например, *умней*, *честней* вместо *умнее*; *честнее* и проч.
- § 80. Не сомневаюсь, что сыщутся еще и иные вольности, которые столько ж могут быть простительны, но мне под руки те не попались. Найдут их и обыкновенными учинят со временем искусные наши творцы; и нужны те находки, понеже, правду сказать, мне стихов наших сочинение кажется весьма трудное, и в тесных пределах заключено.
- § 81. Впрочем, много себе творец пособить может, присвоя стихотворные образы речений греческих и латинских, которыми обогатив язык свой, в состоянии найдется одно дело многими различными образами изображать и потом избирать образ речения, который в меру стиха приходит.
- § 82. Остается о том одном напомнить, что когда имеем сочинять какую песню по данному голосу, то уже совсем от вышепредписанных правил, сколько меры касается, увольняться можем, ежели состоянию напева не согласуются, понеже в песнях нужно, чтоб ударение в речах соответствовало долготе или краткости голоса и число слогов стиха соглашалось числу нот, а сечения — падежам песни.
- § 83. Итак, уже мне мнится, государь мой, что я некаким образом исполнил приказ ваш содержанием письма своего, которое заключаю, чистосердечно подписуясь

Ваш, государя моего, покорный слуга Х. М.

<http://rvb.ru/18vek/kantemir/01text/04annex/94.htm>